

ДАВНО, со времен Мусоргского, не рождалась в русском искусстве народная музыкальная трагедия такой исполинской силы, как только что прозвучавшая Одиннадцатая симфония Д. Д. Шостаковича. Новая симфония, которую автор посвятил революции 1905 года, сразу же глубоко захватила, потрясла слушателей суровой

Это — русский революционный рекевием, проникнутый духом протеста против тирании, чистотой и возвышенностью стремлений к свободе и счастью. Картины и образы первой русской революции получили здесь удивительно рельефное, почти зримое воплощение. Музыка симфонии носит характер конкретного сюжетного повествования. В нем господствуют не отвлеченные размышления, не туманное философствование, а реальные образы жизни и борьбы народных масс. Этому способствует и то, что Шостакович впервые в своем симфоническом творчестве обратился к истокам русского революционного фольклора и пронизал все произведение подлинными мелодиями боевых рабочих песен.

Мы слышим то печальные песни политических узников — «Слушай», «Ночь темная», то знакомый с детства напев траурного марша «Вы жертвою пали», то призыв

Симфония о русской революции

правдой образов, грандиозностью звуковых масштабов...

Картинность, повествовательность, театральная «зримость» музыки Шостаковича не сводятся, однако, к музыкальным иллюстрациям по поводу словесной программы. Автор поднимается до высочайших идейных обобщений, выражая свое страстное отношение художника-гражданина к изображаемым событиям.

Как своеобразное вступление к драме, воспринимается первая часть — «Дворцовая площадь». За этой холодной и строгой картиной словно раскрываются необозримые просторы России, задавленной жандармским сапогом, голодной, нищей и обездоленной. Угрюмые тягучие звучания вызывают в памяти безмолвные заснеженных по-

лей, беспросветную жизнь рабочих окраин... Слышны отдаленные фанфары и глухая барабанная дробь. Перед нами царская Россия, страна казарм и каменных острогов, в которых томятся невинные жертвы. Насколько раз проходит у разных голосов оркестра печальная мелодия тюремной песни «Слушай». В ней звучат горечь неволи, ненависть к палачам, ожидания близкой бури.

И вот музыка развевает перед взором слушателей памятные события «Кровавого воскресенья» 1905 года. Начинается наиболее драматичная и действенная вторая часть симфонии — «Девятое января». После несколько статичной, пейзажно изобразительной первой части вас сразу «забирает за живое» острая динамика симфонической драмы.

Вы словно видите, как текут по улицам Петербурга толпы рабочих, как тянутся к Дворцовой площади люди с Нарвской заставы и с Выборгской стороны, путиловцы, обуховцы, ижорцы... Все ширится поток демонстрации. Все более возбужденно и стремительно звучит музыка, символизируя мощь, силу народную, нарастающий ропот толпы. Наконец, утихает гул массового движения. Тревожные фразы передают напряженное ожидание многотысячной толпы, собравшейся на Дворцовой площади. Что ответит царь на

смирненные просьбы рабочих? И вот начинается самый страшный, ошеломляющий своим драматизмом эпизод симфонии — картина расстрела безоружной демонстрации. Тупые удары барабанов, злой скрежет струнных, свист флейт... Механично и сухо звучит фугато оркестра, все усиливаясь и нарастая. Слово ужасающий шквал огня и злобы обрушился на мирных рабочих людей. Грохот залпов, грубый шаг кованых сапог сливаются со стоном раненых. До глубины души захватывает властная титаническая мощь музыки, насыщенной непримиримой ненавистью к силам зла и разрушения.

И когда стихает грохочущий ураган смерти и огня, остаются звучать едва слышные трепещущие трели. Как будто пороховой дым вьется над Дворцовой площадью, усеянной трупами жертв царизма. Тягостная, зловещая тишина... Снова, как в начале первой части, вырисовывается грустный пейзаж обездоленной России, снова звучат казарменные сигналы груб и горестные мелодии тюремных песен. Как будто вся страна застыла в оцепенении перед ужасным преступлением царских карателей.

Грандиозное траурное шествие народа изображено в третьей части симфонии — «Вечная память». Мелодия революционного марша

«Вы жертвою пали» переплетается со знакомыми фразами из героических песен борьбы. Все более патетический характер приобретает мощное звучание медных. Чувство скорби сменяется жаждой борьбы, грозными проклятиями палачам.

Прекрасен светлый, возвышенный образ середины третьей части. В благородном — распевах струнных слышится вера в светлое будущее, преклонение перед красотой духовного подвига.

И снова алты поют трогательную мелодию траурного марша. Тихо проходят толпы людей, прощаясь с погибшими друзьями и братьями...

Как очищающая буря, врывается волевая, полная протестующей силы тема четвертой части — «Набат». Мы узнаем в ней напев революционной песни «Беснуйтесь, тираны». В этой музыке слышатся гневный призыв к мщению, бурный натиск народных чувств. В пестром водовороте слетаются отзвуки боевых песен, речитативные фразы из предыдущих частей. Музыка вызывает в представлении слушателей площади и улицы России, залитые рабочими манифестациями...

Картина победного шествия рабочих не завершается, однако, благополучным апофеозом. Композитор напоминает о поражении ре-

волюции 1905 года, вновь воскрешая картину горечи и бесправия народа, нарисованную в самом начале симфонии. В самом конце финала вновь пробуждаются силы революционной грозы, вновь бушуют ярые вихревые звучания. Революция не кончилась! Вслед за «генеральной репетицией Октября» еще последуют всемирно-исторические победы 1917 года. Над миром еще разыграются новые бури революции, которые принесут человечеству окончательную победу над отживающими силами эксплуатации и деспотизма. Так воспринимается завершающий вывод симфонии.

Каждый, кто любит советскую музыку, не может не порадоваться появлению этой замечательной симфонии, в которой Шостакович вновь проявил себя как большой художник-мыслитель, чутко реагирующий на исторические процессы современности. И хотя многое в Одиннадцатой симфонии является живым продолжением и развитием прежних достижений автора, мы можем сказать с уверенностью, что такого острого, реалистически точного раскрытия конкретной публицистической темы, такой страстной гражданской устремленности Шостакович не достигал еще ни в одном из своих сочинений.

И. Нестьев.